

Даша Мороз. 22 года. Дебют в кино состоялся... 22 года назад. Двухмесячную дочь, ребенка в «конверте», мама, актриса Марина Левтова, принесла на съемочную площадку Динаре Асановой, снимавшей фильм «Милый, дорогой, любимый, единственный». Гонорар исполнительнице роли... похищенного мальчика составил 80 рублей.

Даша — одна из самых молодых актрис МХАТа. Наряду с работами на первой сцене страны — более 20 кинолент. Настоящий кинодебют — в картине Георгия Данелии со знаменательным для Даши названием «Фортуна» про незадачливых обитателей речного корабля. С тех самых пор капризная госпожа удача взяла Дашу под свою опеку.

В нынешнем киносезоне две заметные российские премьеры — «Точка» Юрия Мороза и «Нанкийский пейзаж» Валерия Рубинчика (приз кино клубов на МКФ) — объединяет исполнительница главных ролей Дарья Мороз. А по ТВ идут в параллель два сериала «Женщины в игре без правил» и «Дети Ванюхина». Оба — с ее участием.

Помню Дашу еще по Всероссийскому кинофоруму молодого кино в середине 90-х. Ее родители составляли программу, аккредитовывали участников. До сих пор у меня бейджик с фотографией, сделанной Мариной Левтовой. Даша помогала им изо всех сил. Уже тогда было ясно: судьба ее predetermined...

«Она говорит: «Сногшибательно сейчас тут на Елисейских Полях встретить Жана Марэ?».

Тут останавливается авто, из которого выходит Жан Марэ, немножко навеселе»

Просто никто не хотел стричься наголо

Восходящая звезда кино и театра Даша МОРОЗ — о болезни лицедейства, здоровой конкуренции и сильных желаниях

— Да нет. Все случайно. Да я и не уверена, что так и будет продолжаться. Работаю-работаю, пока само катит. Однажды заболел дурачком болезнью под названием «лицедейство», трудно от нее избавиться. Если бы так не фартило... и не была бы такой самоуверенной, чтоб надеяться достичь чего-то серьезного, — бросила бы. Я слишком амбициозна — что-то пробиравать головой. Папина учительница из «Шуки» рассказывала, как однажды гуляли они по городу Парижу до головокружения. Она говорит: «Сногшибательно сейчас тут на Елисейских Полях встретить Жана Марэ?». Тут останавливается авто, из которого выходит Жан Марэ, немножко навеселе. При таком сильном желании звезды сходятся. У меня есть такое патологическое желание — сделать что-то настоящее, не объяснимо в актерстве.

— Только что вы закончили Высшие курсы, факультет продюсирования. Первым среди вариантов будущих проектов — «Живи и помни» Распутина...

— Да, ведем с Валентином Григорьевичем переговоры. У него есть определенные условия, связанные с выбором режиссера, с исполнителями ролей. Надеюсь, что свершится.

— Вы играете Настю и в спектакле «Живи и помни». Чем зацепила эта повесть?

— В театре постановка планировалась давным-давно. Я не должна была в ней участвовать. Но случилось так, что режиссер Владимир Петров захотел, чтобы эту роль играла я. К стыду своему, я прозу эту не читала. Открыла... Бывает так, что книга не просто на тебя воздействует — строит тебя, такой материал мощнейший. Русская история уровня шекспировских страстей. При этом — моя. Про мои генетические корни. Про страну. Про любовь. Про войну. Земная история. И высокая.

— Нынешним молодым будет интересно?

— Я же не буду делать эту работу для каких-то там «них». Мне кажется, первую работу важно делать для «нас».

— Неужели оставите актерство?

— С удовольствием занимаюсь профессией. Может, звучит самонадеянно, но сейчас возникают предложения суперсерьезные. Практически перестали предлагать сомнительные проекты. Это уже победа. Следую правилу выбирать. Предпочитаю сниматься один-два раза в год, но в достойных картинах.

— Как же тогда складывается небывалое число ролей? Другие актеры надеются, мучаются ожиданием телефонного звонка.

— Само катит. Не моя заслуга. Тоже жду ролей. Прыгаю до потолка, если поступает хорошее предложение. Вот сейчас от Тины Сидорова. Разве не честь получить в 22 года роль в духе Настень Распутина в фильме «Апостол», снова о событиях Отечественной войны? Когда такие разные работы: по персонажам, эмоциям, характерам.

— Вы вошли в профессию под патронажем Асановой, Дани-

или, Мороза. Какие из работ были самыми обучающими?

— В кино есть «правило наоборота». Работаешь чуть ли не левой ногой — а складывается. Вкладываешь душу — не выходит. В театре другая история. Всегда из кожи вон — какая бы ни была роль. Первая работа в «Песочном человеке» в Табакерке вывернула меня наизнанку. Не понимала, как в театре существует актер? А там еще две роли: Клара — немецкая девушка и Копелия — эротическая кукла. В школе-студии Марина Брусникина делала с нами «Евгения Онегина» — училась, постигая «характер на века», Татьяну... потом была Наташа Ростова. Потом — спектакли «Вечность и еще один день», «Тартюф», «Живи и помни». Снимаясь в «Театральном блюзе» Олега Цабалзе, даже не рассчитывала, что может что-то получиться. Играла стерву интуитивно. Потом в ленте «Умножающий печаль» Олег Фесенко из меня сделал такую современную секси-девушку, умную и деловую. Там вообще — не я. А «Нанкийский пейзаж» начался с моего отказа. Я ничего не поняла. Роль на уровне сценария — никакая. И то, что Валерий Давыдович Рубинчик сделал с этим характером... что придумала художник-гример — Таня Шмыкова...

— У вас особенное лицо. Вроде обаятельная девушка. Но лицо, словно размытый холст, на котором можно нарисовать что угодно: ангела и стерву, мулатку и китайку. Вот и в «Нанкинском пейзаже» вы органичны в облике ретро-парикмахерши Нади и загадочной китайки.

— Это заслуга родителей. Мама шутила: «Мне б твою внешность, я была бы звездой Советского Союза». У Рубинчика я только в процессе работы поняла сложность моего персонажа.

— Какого из двух?

— Китайку я сама уговорила Валерия Давыдовича сыграть. Он сомневался. А меня закинуло. Пришла к Тане Шмыковой: «Давай делать пробу грима». Вдохнула Рубинчику фотографии. В общем, взяла его за грудки.

PhotoXPress

— Почему было важно, чтобы разных героинь играла одна актриса?

— Потому что мужчина всегда ищет одну и ту же женщину. И Костя Лавроненко — мой партнер — поддерживал меня в этом смысле.

— Но интересней было играть Надо, советскую девушку 50-х?

— Конечно. Для китайки задача была — скрывать пластик, таинственно улыбаться. Дженн Дзинь вообще не улыбается — легкая полуулыбка. Есть еще мифическая гейша...

— Кажется, сам Рубинчик запутался в своих героинях, в сновидениях героя...

— Трудно говорить о смысле этой импрессионистической картины. Они разные. Зыбкие. Парикмахерша Надя —

неожиданная работа. Режиссер из меня сделал трепетную лань, что мне свойственно только в редких проявлениях нежной любви. Думаю, Костя Лавроненко так и не знает меня как человека — весь съемочный период я плакала: в мягкой пластике, бархатном голосе, томных взглядах. Кроткая девушка без костей. Валерий Давыдович приучил меня к внезапным проявлениям. Мог вдруг сказать: «Сядь. Заплачь». Планы, когда я раскололась в кадре или забыла текст, использовал на экране для внутренней подвижности персонажа.

— Мне кажется, лучшей сценой стала запись звукового письма. Она начинается: «Меня зовут Надя». Потом долгое, красноречивое безмолвие — мучительная немота, слезы...

— Изначально сцена была бытовой. Получилось спонтанно. Сбилась, заплакала. У меня редко получаются внутренние монологи...

— В «Точке» — истории трех проституток... роль Нинки писалась на вас?

— Сыграла я, потому что больше никто не хотел стричься наголо.

— Актерская профессия требует поступка. Вы готовы — в горящую избу, коня на скаку?..

— Все зависит от задачи. Сейчас снова бреюсь налысо. Для «Апостола». Чем неожиданней мы меняемся, тем лучше.

— «Точка» — жесткая картина, как вы для себя оправдывали неадекватность поведения юной оторвы Нинки-Мойдодыр?

— Да тут все понятно. Она из семьи ужасной, родители алкоголики. Профессиональное ампула — блядь-малютка. Но с манией чистоты. Без мозгов, безбашенная. Но и этот отморозок лелеет мечту.

— Такие долго не живут.

— Да. Она уже начинает наркоманить. Мы искали острую графику, свою психологию...

— Странно было услышать именно от вас, что актеры подобны новорожденным черепашкам, бегущим к морю: кто добежит —

выживет. Вы-то сразу родились в «спенческой рубашке».

— Но ведь нас каждый год выпускают... Столько... Кто выживет, тот молодец. Олег Павлович Табаков собрал очень серьезную молодую труппу. Здоровая конкуренция — это трудно и замечательно.

— Разве в театре бывает здоровая конкуренция?

— Если я кого-то не принимаю, то по человеческим качествам. Что касается профессии, я достаточно востребована, чтобы признавать, что да, этот актер круто сыграл. Значит, стоит с ним работать.

— В каком мире вы живете — узкоотраслевом, цеховом... В какой стране?

— Папа все время повторяет: «Вы в своем котле варитесь, не видите ничего вокруг». Это правда. Мы молодые, борзые. Закилены на работе. Мир вокруг не видим. Думаю, что да, надо рожать детей. Жить какими-то интересами помимо профессии. Выбрать человека, рядом идущего по жизни. Вот это я понимаю, а на уровне политики, экономики... я, как Скарлетт: «Подумаю об этом завтра...».

● Беседовала Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

«Да тут все понятно. Она из семьи ужасной, родители алкоголики. Профессиональное ампула — блядь-малютка. Но с манией чистоты. Без мозгов, безбашенная. Но и этот отморозок лелеет мечту»

Мороз Дарья

13.08.06